

Глава 6

Основание Санкт-Петербурга

Возможно, все решил случай. Первоначально Петр вовсе не думал о строительстве города на берегах Невы, а уж тем более – новой столицы. Просто сначала ему нужна была крепость в Невской губе, а затем понадобился порт, который позволил бы вести морскую торговлю, минуя далекий Архангельск. Может быть, если бы Петр раньше захватил Ригу, Санкт-Петербург так и не был бы построен: Рига – процветающий порт – являлась крупным центром русской торговли, и ее гавань была свободна ото льда на шесть недель дольше, чем Невская губа, но Рига оказалась в руках Петра лишь в 1710 году. Петербург был основан на том месте, где Петр впервые ступил на балтийскую землю. Он не знал, что сулит грядущее, и ждать не стал. Как всегда, торопясь воспользоваться благоприятным моментом, Петр приступил к строительству.

Петербург уникален во многих отношениях. Случалось, что в пылу юности или в горячке преобразований другие нации тоже основывали новые столицы на дотолее пустовавшем месте. Примеры тому – Анкара, Вашингтон и Бразилия. Но никто и никогда не основывал столицу во время войны на территории, которая по-прежнему юридически принадлежала могущественному и непобежденному тогда противнику. Более того, в 1703 году такой большой город был заложен в последний раз в истории Европы. К тому времени крупные города возникли даже в американских колониях европейских стран: Нью-Йорку было уже почти семьдесят семь лет, Бостону – семьдесят три, Филадельфии – шестьдесят. И наконец, Петербург, на протяжении двухсот лет бывший столицей Российской империи, а затем вторым по величине городом России, является самым северным мегаполисом в мире. Если мысленно перенести Петербург на Американский континент так, чтобы он находился на той же широте, то придется представить себе город с населением почти в пять миллионов человек на северном побережье Гудзонова залива.

Спустившись сквозь лесистую пойму к устью Невы, Петр оказался на пустынной, дикой, болотистой равнине. В нижнем течении полноводная Нева делает петлю к северу, а затем течет на запад к морю. На последних пяти милях она разбивается на четыре рукава, которые, пересекаясь множеством текущих по болотистому краю протоков, образуют многочисленные острова, поросшие кустарником и низкорослым лесом. В 1703 году вся эта местность представляла собой топкое болото. Весной, когда таял снег и лед, над ней повисал густой туман. Порой с Финского залива дули сильные ветры, река обращалась вспять, и многие островки попросту исчезали под водой. Здесь не селились даже купцы, для которых Нева веками служила путем в глубь России. Слишком уж тут было дико, сыро и неприятно – казалось, что в таких местах люди по своей воле жить не будут. По-фински Нева означает «болото».

На расстоянии пяти миль от моря вверх по течению Невы стояла крепость Ниеншанц. Ближе к морю, на левом берегу, находился небольшой финский хутор. На Заячьем острове, посреди реки, были мазанки, в которые летом наведывались финские рыбаки; когда вода поднималась, рыбаки уходили оттуда и перебирались на более высокое место. Но в глазах Петра эта быстрая, полноводная река – более широкая, чем Темза в районе Лондона, – была прекрасна. Именно здесь он решил заложить новую мощную крепость для того, чтобы защищать отвоеванное устье реки. Земляные работы начались 16 мая 1703 года – эта дата и считается днем основания Санкт-Петербурга²⁶.

Крепость, названная в честь святых Петра и Павла, должна была, по замыслу, занимать весь остров, чтобы Нева с протоками защищала ее со всех сторон. Быстрые воды реки

²⁶ Существует легенда, по которой Петр одолжил мушкет у одного из солдат, штыком вырезал две полосы дерна из почвы Заячьего острова, сложил их крестом и сказал: «Здесь будет город». Солдаты начали рыть ров, в котором обнаружилась рака с мощами святого Андрея Первозванного – небесного покровителя России. В этот момент над головой Петра пролетел орел и уселся на верхушке двух берез, соединенных кронами наподобие арки. На этом месте были выстроены восточные, или Петровские, ворота будущей крепости.

омывали остров с юга, а с севера, востока и запада лежало пересеченное речушками болото. Поскольку сам остров был низок, болотист и порой затапливался, требовалось прежде всего доставить туда грунт и поднять остров выше уровня воды. У русских работников не было других инструментов, кроме лопат и мотыг: не было даже тачек, и землю к месту строящихся укреплений приходилось таскать, насыпав в рубахи или мешки.

Вопреки всем трудностям, уже через пять месяцев стали вырисовываться очертания крепости. Она строилась в форме вытянутого шестиугольника с шестью мощными бастионами, каждый из которых возводился под личным надзором одного из ближайших сподвижников Петра и был назван по его имени: Меншиков, Головкин, Зотов, Трубецкой и Нарышкин. Строительством шестого бастиона руководил сам Петр, и он назван в его честь. Первоначально укрепления строились из земли и дерева, затем Петр приказал возвести вместо земляных валов высокие и толстые каменные стены. Сурово и грозно поднялись они над Невой на тридцать футов, ошетилившись рядами орудий. Незадолго до конца царствования Петра ганноверский посланник Христиан Фридрих Вебер отметил: «На одном из бастионов они, по примеру датчан, каждый день поднимают крепостной штандарт на высокой мачте... По праздникам же они поднимают другой, большой желтый флаг с двуглавым орлом, держащим в когтях четыре моря, омывающих границы России – Белое, Черное, Каспийское и Балтийское».

Неподалеку от крепости находился маленький, пятьдесят пять футов в длину и двадцать футов в ширину, одноэтажный бревенчатый домик, в котором царь останавливался, пока велись работы. Он был выстроен солдатами 24–26 мая 1703 года. В доме три комнаты – спальня, столовая и кабинет. Нет ни печей, ни дымоходов, поскольку царь жил там только летом. Примечательно, какую изобретательность проявил Петр, чтобы бревенчатая хижина походила на европейский домик. Слюдяные окна были большие, с переплетами на голландский манер, кровельный гонт на островерхой крыше уложен и покрашен так, что создавал видимость черепицы, а обтесанные бревенчатые стены раскрашены под кирпичную кладку. (Домик – старейшее строение в городе – был для сохранности заключен в кирпичный футляр и уцелел до наших дней.)

Работы по возведению крепости шли «с крайним поспешанием», поскольку Петр постоянно опасался возвращения шведов. И действительно, их отряды появлялись каждое лето. В 1703 году, когда не прошло и месяца с тех пор, как Петр занял дельту Невы, с севера подступил шведский отряд в 4000 человек и встал лагерем у реки Сестры. 7 июля 7-тысячный русский отряд под командованием самого Петра, состоявший из четырех драгунских и двух пехотных полков, выступил против шведов, разбил их и вынудил отступить. Петр постоянно находился под вражеским огнем, и наблюдавший это Паткуль был вынужден напомнить своему высокому покровителю, что «он тоже смертен, и одна мушкетная пуля может вывести из строя всю армию и ввергнуть страну в пучину опасности». Тем же летом шведский адмирал Нуммерс держал на якоре в устье Невы девять кораблей, блокируя выход в море и поджидая случая подняться вверх по реке и помешать строительству русских укреплений. Петр тем временем вернулся на верфи на Ладожском озере, чтобы ускорить строительство кораблей. В результате на рейде новой невиской твердыни появилось множество судов, в том числе и фрегат «Штандарт». Не имея достаточных сил, чтобы бросить вызов более мощной эскадре Нуммерса, корабли не выходили в море, пока холода не вынудили Нуммерса увести свой флот. Тогда Петр на «Штандарте» вышел в Финский залив.

Наступил исторический момент – первое плавание русского царя на русском корабле по Балтийскому морю. Хотя свинцовые воды залива уже покрывались тонким ледком, Петра это не остановило. Когда он, выйдя из устья Невы, плыл на запад, по правую руку виднелись скалистые берега Карелии, исчезая из виду у Выборга, слева стелились невысокие округлые холмы Ингрии, тянувшиеся, убегая за горизонт на запад до самой Нарвы. Прямо по курсу, всего в пятнадцати милях от устья, показался остров, который русские назовут Котлин и где впоследствии вырастет крепость и морская база Кронштадт. Обогнув остров, Петр

собственноручно замерил глубину и установил, что море у северного берега слишком мелко для судоходства. Но к югу от острова пролегал фарватер, который вел прямо к устью Невы. Чтобы защитить этот фарватер, в качестве форпоста оборонительных сооружений, которые возводились на острове, Петр приказал возвести форт прямо на отмели у кромки фарватера. Это была тяжелая работа: деревянные клетки, заполненные камнями, по льду доставляли на место и там по весне, когда лед таял, опускали под воду, создавал таким образом фундамент. В мае небольшой форт, оснащенный четырнадцатью пушками, вырос прямо из моря.

Опорный пункт Петра на Балтийском море с самого начала был задуман как торговый порт и военно-морская база. По царскому указу Головин писал в Лондон Матвееву, чтобы тот зазывал торговые суда посетить новый порт. Первый корабль, принадлежавший голландскому купцу, вошел в Неву в ноябре 1703 года, когда новому русскому порту едва минуло шесть месяцев. Услышав о прибытии корабля, Петр лично отправился встретить его и провести вверх по течению. Велико было удивление капитана, когда он узнал, кто был его лоцманом; Петру же было приятно узнать, что груз корабля – вино и соль – принадлежал его старому знакомцу, Корнелису Калфу из Саардама. Капитан получил 500 золотых, и в его честь Меншиков устроил банкет. В память об этом радостном событии корабль был переименован в «Санкт-Петербург» и навсегда освобожден от пошлин и таможенных сборов. Подобные привилегии были обещаны и следующим двум судам, которые придут в новый порт, и в скором времени за обещанной наградой явились капитаны двух судов – голландского и английского. В дальнейшем Петр делал все возможное, чтобы привлечь в Петербург иностранных купцов. Он снизил пошлину так, что она составляла менее половины сборов, взимавшихся шведами в подконтрольных им балтийских портах. Он обещал поставлять русские товары в Англию по очень низким ценам при условии, что англичане будут вывозить их из Петербурга, а не Архангельска. Впоследствии ему приходилось употреблять царскую власть для того, чтобы отвести большой поток русской торговли от проторенного арктического пути и направить его через новые порты на Балтике.

Чтобы упрочить свое положение на отвоеванных землях, Петр не жалел сил на строительство судов на верфях Ладожского озера. 23 сентября 1704 года он писал Меншикову: «Здесь все зело исправно. Коли Бог даст, три фрегата, четыре шенявы, да галиот послезавтра на воду спустим». Но Ладога была коварна и беспокойна, и новые суда получали течь, а то вовсе оказывались выброшенными на берег у южной оконечности озера возле Шлиссельбурга, где берет начало Нева. Чтобы избежать опасного плавания по Ладоге, Петр решил перенести главные верфи в Петербург. В ноябре 1704 года он заложил верфь на левом берегу Невы, по диагонали от Петропавловской крепости, чуть ниже ее по течению. Поначалу Адмиралтейство представляло собой обычную верфь, построенную в форме прямоугольника. Окруженное с трех сторон деревянными амбарами и сараями, которые служили мастерскими, кузницами, избами для рабочих и кладовыми для канатов, парусов, пушек и корабельного леса, Адмиралтейство оставалось открытым со стороны Невы. Посередине – там, где впоследствии разместился главный штаб Российского флота, возвышался деревянный шпиль, увенчанный флюгером в форме кораблика²⁷.

Под сенью этого шпиля, на пространстве, окруженном амбарами и сараями, закладывались петровские корабли. Объемистые корпуса сооружались у самого берега, затем их спускали на воду и буксировали к причалам для доводки. Чтобы защитить Адмиралтейство от возможного нападения шведов, его обнесли земляными валами со рвами и бастионами. Таким образом, город получил вторую твердыню, почти столь же могучую, как Петропавловская крепость.

В дальнейшем шведы не прекращали тревожить новый город вылазками как с моря, так и с суши. В 1705 году русские вбили длинные бревна в дно фарватера у острова Котлин и

²⁷ В начале XIX в. Адмиралтейство было полностью перестроено в камне, однако его характерные особенности – прямоугольная планировка и центральный шпиль с корабликом – были сохранены. И сегодня, как и на заре существования Петербурга, шпили-близнецы Адмиралтейства и Петропавловской крепости – доминанты городского пейзажа – смотрят друг на друга через Неву.

соединили их канатами, закрыв путь флоту противника. Завидев на горизонте переплетения мачт и канатов, шведы принимали их за мачты внушительного русского флота и после безрезультатного обстрела с дальней дистанции отходили. В 1706 году Петр, совершая плавание в открытом заливе, заметил приближение шведской эскадры. Он тут же повернул к берегу и условным сигналом – орудийными выстрелами – известил вице-адмирала Крюйса, голландского моряка, который командовал русским флотом. Крюйс, однако, не поверил сигналу и признал свою ошибку лишь тогда, когда увидел шведские корабли собственными глазами. Некоторое время спустя Петр со смехом припомнил этот случай. Докладывая о положении на флоте, Крюйс жаловался Петру на невежество и недисциплинированность офицеров: «Его величество в морском деле искусен и ведает, каково важно во всем превосходную субординацию иметь». Петр отвечал ласково: «Вице-адмирал сам повинен в том, что в морских офицерах недостает умения, понеже почти всех их сам на службу и взял... Что ж до моего умения, кумплимент сей вовсе незаслужен. Когда случилось мне намерении углядеть с яхты швейские корабли и, согласно морскому обычаю, пушечною пальбою число оных означить, сие почтено было за потеху, что зову пальбою чарку испити. Когда и сам я к вице-адмиралу на борт поднялся, оный верить мне ни про что не хотел, покуда его матросы неприятеля с мачты не высмотрели. Оттого разумею, что надобно меня в умелых не числить, а коли нет, то сие шутки более не шутить».

С течением времени Петр стал более широко представлять себе роль Петербурга. Он увидел в нем не только крепость, охраняющую невисское устье или верфь для строительства торговых и военных судов на Балтике. Он увидел в нем будущий город. Как раз в это время в Россию приехал итальянский архитектор Доменико Трезини, который построил великолепный дворец для короля Дании Фредерика IV. Его стиль, как и стиль большинства архитекторов, работавших в то время в Северной Европе, испытал сильное голландское влияние, и именно это, заимствованное в Голландии, протестантское северное барокко привнес в Россию Трезини. 1 апреля 1703 года он подписал договор, по которому стал «государевым архитектором цивилии и милитарии», и Петр незамедлительно отправил его на берега Невы, поручив ему надзор за всеми строительными работами. В течение девяти лет Трезини заменял бревенчатые лачуги кирпичными и каменными строениями, и приметы его градостроительной деятельности Петербург хранит и поныне. Пока рабочие люди насыпали земляные валы крепости, Трезини построил внутри ее стен небольшую церковь. Не имея отделочных материалов для украшения интерьера, он покрыл стены желтой штукатуркой под мрамор. В 1713 году Трезини приступил к строительству Петропавловского собора в стиле барокко, который с некоторыми переделками сохранился до наших дней; его золоченый шпиль и сейчас вздымается к небу на высоту 400 футов.

* * *

Непрекращающиеся строительные работы требовали множества рабочих рук. Вбивать сваи, рубить и вывозить лес, выворачивать валуны, выравнивать холмы, выкорчевывать пни, прокладывать улицы, сооружать доки и верфи, возводить крепость, дома и причалы – на все это постоянно не хватало людей. Чтобы обеспечить строительство рабочей силой, Петр год за годом издавал указы, вызывая в Петербург плотников, каменщиков, камнетесов и, наконец, простых необученных крестьян. Со всех концов империи сюда стекался нескончаемый поток людей – казаков, сибиряков, татар и финнов. Им оплачивались расходы на дорогу и их кормили в течение шести месяцев; потом тем, кому удалось выжить, разрешалось вернуться домой, а на их место следующим летом пригоняли других. Воеводы и помещики, которых царь заставлял набирать и отправлять людей, роптали, жалуясь, что деревни приходят в запустение оттого, что забирают лучших работников, но Петр и слушать ничего не хотел.

Тяготы были непосильными. Рабочие спали на сырой земле в наскоро сколоченных, переполненных, грязных бараках. Их косила цинга, дизентерия, малярия и другие болезни.

Жалованье выплачивалось нерегулярно, и многие пускались в бега. Точное число погибших во время строительства города установить уже не удастся: в петровское время их числили до 100 000. Более поздние цифры значительно ниже – 25 000–30 000, но никто не возьмется отрицать, что Петербург – город, «построенный на костях».

Наряду с рабочей силой приходилось завозить и строительные материалы. На болотистой равнине в дельте Невы пригодных для строительства высоких деревьев было мало, а природного камня не было вовсе. Первоначально источником камня для строительства города служила лежавшая выше по течению шведская крепость Ниеншанц; ее разобрали, и камень сплавляли вниз по Неве. В течение ряда лет каждой телеге, подводе или русскому кораблю, прибывавшим в Петербург, предписывалось вместе с обычным грузом доставлять установленное количество камня. У городских причалов и ворот возникли специальные конторы, принимавшие эту дань, и без их разрешения никакой транспорт не мог въехать в город. Временами, когда потребность в камне была особенно острой, судьбу буквально каждого привезенного камня решал сам начальник конторы. Для того чтобы не тратить попусту строительный лес, запрещалось рубить деревья на островах и никому не позволялось топить баню чаще одного раза в неделю. Бревна доставлялись из новгородских лесов и с берегов Ладоги. Лесопильные мельницы, приводившиеся в действие силой ветра или водяными колесами, распиливали бревна на брусья и доски. В 1714 году строительство в Петербурге застопорилось из-за нехватки каменщиков, и Петр запретил под страхом «конфискации имущества и ссылки» строить в Москве каменные дома. Вскоре действие этого указа распространилось на всю империю. Волей-неволей каменщики со всей России, собрав инструменты, отправились в Петербург в поисках работы.

Городу требовалось население. Мало кто соглашался жить там по доброй воле, и Петру и здесь пришлось употребить власть. В марте 1708 года царь «пригласил» в Петербург свою сестру Наталью, двух сводных сестер Марию и Феодосию и двух вдовствующих цариц – Марфу и Прасковью, а заодно и множество бояр, высших чиновников и богатых купцов. По словам Уитворта, «никому не было позволено отговариваться ни годами, ни делами, ни нездоровьем». Ехали в Петербург неохотно. Тем, кто привык к вольготной жизни в богатых подмосковных имениях, где вся провизия доставлялась из ближних деревень или дешево закупалась на изобильных московских рынках, теперь приходилось тратить большие деньги на строительство новых домов в балтийских болотах и платить немыслимые цены за привозившиеся издалека продукты. Многие подсчитали, что с переездом они потеряли две трети своего состояния. Развлечений было мало, и море, которое так манило царя, их только пугало: никто из них и ногой не ступил бы в лодку, иначе как по принуждению. Но выбора не было, и они явились. Прибывшие купцы и лавочники нашли утешение в возможности заламывать непомерные цены за свои товары. Многие рабочие – русские, казаки и калмыки, отбыв положенный срок на строительстве казенных сооружений и не имея возможности или охоты отправляться в дальний путь домой, оставались в Петербурге и нанимались на строительство частных домов дворян, которым царь повелел обживать на новом месте. В результате тысячи работников окончательно осели в Петербурге и построили здесь дома – для себя. Петр всячески это поощрял и откликался на любое приглашение, от кого бы оно ни исходило, заложить в кладку нового дома почетный первый камень и выпить чарку водки за хозяина.

И месторасположение, и внешний вид домов были строго регламентированы. Дворянским семействам предписывалось селиться на левом берегу Невы, строить жилища из бруса, обшивать тесом и оштукатуривать «на английский манер» (тем, у кого было больше, чем 500 душ, было указано возводить двухэтажные дома). На правом берегу вырастали бревенчатые купеческие дома. Построенные наспех и без особого желания владельцев, они имели много изъянов: крыши протекали, стены трескались, полы прогибались. Стремясь придать величие облику города, Петр приказал всем зажиточным горожанам, у которых были одноэтажные дома, достроить второй этаж. Чтобы облегчить эту задачу, он велел Трезини разработать образцовые проекты зданий разного размера и соответствующей

планировки, которые предоставлялись бесплатно.

Город по большей части был деревянным, и почти каждую неделю вспыхивали пожары. Для безопасности жителей Петербурга Петр наладил постоянную пожарную службу. По ночам, когда весь город спал, на церковных колокольнях дежурили караульщики. При малейшем признаке огня караульщик тут же звонил в колокол, и этот звон подхватывали все колокольни города. Колокольный звон будил барабанщиков, которые, вскочив с постели, принимались бить в барабаны. Горожане выбегали на улицы и, вооружившись топорами и баграми, спешили на пожар. Квартировавшие в городе солдаты тоже были обязаны принимать участие в тушении пожара. Чиновникам и офицерам вменялось следить за пожарной безопасностью на своем участке. За это полагалась дополнительная плата, а уклонение строго наказывалось. Петр и сам выполнял такие обязанности и, как и другие, получал за это жалованье. По свидетельству иностранного очевидца, «среди рабочих нередко можно увидеть царя, который с топором в руках взбирается на крышу пылающего дома, подвергая свою жизнь такому риску, что, глядя на это, мороз продирает по коже». Зимой, когда вода замерзала, топоры и багры оставались единственными средствами борьбы с огнем. Пожар можно было изолировать, если удавалось достаточно быстро разобрать и оттащить в сторону находившиеся поблизости дома. Присутствие Петра всегда оказывало действенный эффект. Датский посланник Юст Юль вспоминал: «Поскольку ум у него очень быстрый и точный, он сразу замечает, что надобно делать: лезет на крышу, появляется в самых опасных местах, побуждает бороться с огнем людей именитых наряду с простыми горожанами и не делает передышки, пока огонь не будет потушен. Но ежели государя нет, все идет по-иному. Тогда люди безразлично глазят на пожар, не делая ничего, чтобы его потушить. Бесплезно увещевать их и даже сулить им деньги – они только ждут случая чем-нибудь поживиться».

Городу угрожала и другая природная стихия – наводнения. Петербург был построен на уровне моря, и когда вода в Неве поднималась выше пяти футов, город затапливало. В 1706 году Петр писал Меншикову: «Третьего дни ветром сюда такую воду нагнало, какой, сказывают, не бывало. У меня в хоромах была сверх полу 21 дюйм, а по городу и на другой стороне свободно ездили на лодках, однако же не долго держалось – меньше трех часов».

Царь со смехом вспоминал, что многим пришлось спасаться на крышах домов и деревьях, но был доволен тем, что, хотя вода и поднялась высоко, большого ущерба причинено не было. В 1711 году английский резидент писал: «Ночью девятого числа с юго-запада, со стороны моря поднялся такой сильный ветер, что весь город затопило водой. Многие люди были захвачены врасплох и могли бы потонуть, если бы их не разбудил колокольный звон и они не спаслись на крышах. Большая часть их имущества и скота погибла». Почти каждую осень Нева выходила из берегов, погребая затоплялись и запасы продуктов приходили в негодность. Бревна и доски во множестве уносились водой, а вылавливать строительный материал и присваивать его запрещалось под страхом смертной казни. В ноябре 1721 года сильный юго-западный ветер повернул реку вспять так, что двухмачтовую шхуну пронесло по улицам и прибило к стене дома. «Ущерб невозможно описать словами, – доносил в Париж французский посланник, – едва ли можно сыскать хоть один дом, который не пострадал. Потери оценивают в два, а то и три миллиона рублей. [Но] царь, подобно Филиппу Испанскому [после гибели Непобедимой армады], являет истинное величие души своим спокойствием».

* * *

Даже по прошествии пятнадцати лет после основания города, когда вдоль набережных Невы вырастали величественные дворцы, а выписанные из Франции садовники разбивали регулярные, правильной геометрической формы цветники, повседневная жизнь в Петербурге оставалась, по словам одного иностранца, «опасной и неустроенной, как в полевом лагере». Беда заключалась в том, что эта земля попросту не могла сама себя прокормить. Невская

губа с ее обширными водными пространствами, лесами и болотами была скудна на урожаи; в дождливые годы, бывало, хлеб гнил на корню прежде, чем его успевали сжать. Выручали дары природы: изобилие земляники, черники и грибов, которые солили и мариновали, готовя отменную закуску. Охотились на зайцев, ради сухого жесткого мяса, а также на диких уток и гусей. Реки и озера кишели рыбой, но, к досаде иностранцев, свежую рыбу купить было трудно: русские предпочитали ее солить или вялить. Но все, что приносила земля, леса и воды, не спасло бы Петербург от голода, если бы не было постоянного подвоза провизии извне. В сухие летние месяцы тысячи подвод тащились из Новгорода и даже из Москвы, доставляя в город продукты; в зимнее время подвоз продолжался по замерзшим руслам рек. Если по какой-то причине доставка продовольствия тормозилась, цены немедленно взлетали и в Петербурге, и во всей округе, поскольку город снабжал провизией пригороды, а не наоборот.

Петербург окружала тянувшаяся до самого горизонта поросль чахлах берез, тонких сосен и скрывавших болота кустарников; если путник отваживался сойти с дороги, он рисковал заблудиться. На прогалинах, к которым вели неприметные тропки, встречались редкие хутора. В лесных зарослях водились волки и медведи. Медведи были менее опасны: летом они находили обильный прокорм, а зимой впадали в спячку. Зато волков можно было встретить круглый год, зимой они сбивались в стаи по тридцать – сорок голов. Случалось, что голод вынуждал их забираться на хутора, задирали собак, нападать на лошадей и даже на людей. В 1714 году нападению волков подверглись два солдата, которые несли караул у Литейного двора: одного разорвали в клочья и съели на месте, другой, раненый, уполз, но вскоре скончался. В 1715 году волки среди бела дня загрызли женщину на Васильевском острове, неподалеку от дворца князя Меншикова.

Неудивительно, что мало кто из русских решался селиться в этих сырых, пустынных, опасных местах. К этому времени здесь стало совсем безлюдно – войны и чума свели на нет коренное финское население. Петр раздавал земли дворянам и офицерам, и те перевозили из глубины России свои семейства и целые деревни крепостных крестьян. Простые люди, оторванные от родной почвы, вынужденные покинуть живописные холмы и луга Подмосковья, страдали, но переносили все безропотно. «Поразительно, с какой покорностью и терпением сносят эти тяготы люди как высокого, так и низкого звания, – писал Вебер. – Простые люди говорят, что жизнь для них вообще тяжелая ноша. Лютеранский пастор поведал мне о своем разговоре с русскими крестьянами: он спрашивал их о вере – ведомо ли им, что надобно делать, дабы обрести вечное спасение; но они даже не уверены, что вообще смогут попасть на небеса, ибо вечное блаженство, как они считают, уготовано лишь царю да великим боярам».

Не только простым людям Петербург пришелся не по нраву. Русская знать и иноземные дипломаты судили да рядили, надолго ли город переживет своего основателя. Царевна Марья утверждала: «Петербург не устоит за нами. Быть ему пусту». Мало кто видел за ним будущее. Однако Меншиков предрек, что Петербург станет новой Венецией и что придет день, когда любознательные иноземцы будут приезжать сюда, чтобы подивиться красоте города.

* * *

Шведы никогда не могли понять страстного влечения Петра к этому болотистому месту. Непреклонное желание Петра удержать новый город стало основным препятствием для заключения мира со Швецией. Когда военная фортуна изменяла России, Петр соглашался вернуть все завоевания в Ливонии и Эстонии, но ни в какую не уступал Петербург и устье Невы. Мало кто в Швеции тогда сознавал, что царь навеки расщепил шведскую балтийскую империю, вбил клин между северными и южными ее провинциями, перерезав линии шведских коммуникаций через дельту Невы, и тем предвосхитил грядущую утрату шведами балтийского побережья. Шведам казалось, что территориальные уступки в

дельте Невы незначительны, а Петр – просто глупец: при таких ветрах, регулярно нагоняющих в Неву воду с залива, новый город очень скоро будет разрушен наводнениями. Это было общее мнение, а затея Петра стала предметом едких шуток. Господствовавшие в Швеции настроения выразил самоуверенный король: «Пусть царь изнуряет себя строительством новых городов, нам же достанется честь их занимать».

Петр назвал новый город в честь своего небесного покровителя, и Петербург стал славой его царствования, его «парадизом», «Эдемом» и любимым детищем. В апреле 1706 года он начал письмо к Меншикову словами: «Я не могу отсель не писать к вам из здешнего парадиза; истинно, что в раю здесь живем». Город стал воплощенным в кирпиче и камне символом достижений его жизни: избавлением от закулисных интриг, которые плелись за крошечными оконцами в сводчатых палатах Москвы; выходом к морю; приобщением к технике и культуре Западной Европы. Петр любил свое новорожденное творение. Он наслаждался, видя, как полноводная река несет свои воды к заливу, как плещутся волны о крепостные стены и соленый бриз наполняет паруса его кораблей. Строительство города превратилось в подлинную страсть. Ничто не могло заставить его отказаться от претворения в жизнь своего замысла. На это он не жалел ни сил, ни миллионов рублей, ни тысяч человеческих жизней. Поначалу его главной заботой было возведение укреплений и обеспечение безопасности, но не прошло и года, как он писал в Москву Тихону Стрешневу, чтобы тот прислал цветы из подмосковного села Измайлово: «Особливо пришли духовитых. Пеоны дошли в зело доброй кондиции, а не то бальзамины с мятою. Пришли и оных». В 1708 году он построил вольер и велел доставить из Москвы 8000 певчих птиц разных пород.

Вслед за Петром сменившие его на троне императрицы и императоры превратят первоначальное бревенчатое и глинобитное поселение в блистающий великолепием город; архитектурным обликом он скорее европейский, чем русский, а культура и мысль его соединила в себе черты России и Запада. Гранит оденет южный берег Невы, и вдоль трехмильной набережной выстроится нескончаемая вереница желтых, светло-голубых, бледно-зеленых и красных величественных дворцов и правительственных зданий. Неповторимые сочетания ветра, воды и облаков, 150 арочных мостов, что соединят между собой его острова, золоченых шпилей и куполов, гранитных колонн и мраморных обелисков будет вызывать такое восхищение, что город будут называть Снежным Вавилоном и Северной Венецией. Здесь берут начало российская словесность, музыка и искусство. Это город Пушкина, Гоголя и Достоевского, город Бородина, Мусоргского и Римского-Корсакова, город Петипа, Дягилева и Нижинского. На протяжении двух столетий российские монархи правили Россией из города, основанного Петром. Здесь разыгрывались политические судьбы империи, и здесь же разыгрался последний акт драмы, приведший к падению династии Петра. Изменится даже само имя города, ибо новый режим, желая почтить своего основателя, посвятит Ленину «лучшее, что у нас есть». Но многие горожане и тогда продолжали называть его просто «Питер».